

ский Д. Из Собрания стихов (1904), Собрания стихов (1910) и Полного собрания сочинений (1912) fil
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Мережковский Д. Из "Собрания стихов" (1904), "Собрания стихов" (1910) и
"Полного собрания сочинений" (1912)
«Так жизнь ничтожеством страшна...»

Так жизнь ничтожеством страшна,
И даже не борьбой, не мукой,
А только бесконечной скукой
И тихим ужасом полна,
Что кажется – я не живу,
И сердце перестало биться,
И это только наяву
Мне все одно и то же снится.
И если там, где буду я,
Господь меня, как здесь, накажет –
То будет смерть, как жизнь моя,
И смерть мне нового не скажет.

3 июля 1900

ДВОЙНАЯ БЕЗДНА

Не плачь о неземной отчизне
И помни, – более того,
Что есть в твоей мгновенной жизни,
Не будет в смерти ничего.

И жизнь, как смерть, необычайна...
Есть в мире здешнем – мир иной.
Есть ужас тот же, та же тайна –
И в свете дня, как в тьме ночной.

И смерть и жизнь – родные бездны:
Они подобны и равны,
Друг другу чужды и любезны,
Одна в другой отражены.

Одна другую углубляет,
Как зеркало, а человек
Их съединяет, разделяет
Своею волею навек.

И зло, и благо, – тайна гроба
И тайна жизни – два пути –
Ведут к единой цели оба.
И все равно, куда идти.

Будь мудр, – иного нет исхода.
Кто цепь последнюю расторг,
Тот знает, что в цепях свобода
И что в мучении – восторг.

Ты сам – свой Бог, ты сам свой ближний,
О, будь же собственным Творцом,
Будь бездной верхней, бездной нижней,
Своим началом и концом.

Между 1895 и 1899

«О, если бы душа полна была любовью...»
О, если бы душа полна была любовью,
Как Бог мой на кресте – я умер бы любя.
Но ближних не люблю, как не люблю себя,
И все-таки порой исходит сердце кровью.

О, мой Отец, о, мой Господь,
Жалею всех живых в их слабости и силе,
В блаженстве и скорбях, в рожденье и могиле.
Жалею всякую страдающую плоть.

И кажется порой – у всех одна душа,
Она зовет Тебя, зовет и умирает,
И бредит в шелесте ночного камыша,
В глазах больных детей, в огнях зарниц сияет.

Душа моя и Ты – с Тобою мы одни,
И смертною тоской и ужасом объятый,
Как некогда с креста Твой Первенец Распятый,
Мир вопиет: ламма! ламма! Савахфани. [1]

Душа моя и Ты – с Тобой одни мы оба,
Всегда лицом к лицу, о, мой последний Враг.

К Тебе мой каждый вздох, к Тебе мой каждый шаг
В мгновенном блеске дня и в вечной тайне гроба.

И в буйном ропоте Тебя за жизнь кляня,
Я все же знаю: Ты и Я – одно и то же,
И вопию к Тебе, как сын твой: Боже, Боже,
За что оставил Ты меня?

Между 1895 и 1899

ДЕТСКОЕ СЕРДЦЕ

Я помню, как в детстве нежданную сладость
Я в горечи слез находил иногда,
И странную негу, и новую радость –
В мученье последних обид и стыда.

В постели я плакал, припав к изголовью;
И было прощеньем сердце полно,
Но все ж не людей, – бесконечной любовью
Я Бога любил и себя, как одно.

И словно незримый слетал утешитель,
И с ласкою тихой склонялся ко мне;
Не знал я, то мать или ангел-хранитель,
Ему я, как ей, улыбался во сне.

В последней обиде, в предсмертной пустыне,
Когда и в тебе изменяет мне всё,
Не ту же ли сладость находит и ныне
Покорное, детское сердце мое?

Безумье иль мудрость, – не знаю, но чаще,
Все чаще той сладостью сердце полно,
И так, – что чем сердцу больнее, тем слаще,
И Бога люблю и себя, как одно.

16 августа 1900

ТРУБНЫЙ ГЛАС

Под землю слышен ропот,
Тихий шелест, шорох, шепот.

Слышен в небе трубный глас:

– Брат, вставай же, будят нас.

– Нет, темно еще повсюду,

Спать хочу и спать я буду,

Не мешай же мне, молчи,

В стену гроба не стучи.

– Не заснешь теперь, уж поздно.

Зов раздался слишком грозно,

И встают вблизи, вдали,

Из разверзшейся земли,

Как из матерней утробы,

Мертвецы, покинув гробы.

– Не могу и не хочу,

Я закрыл глаза, молчу,

Не поверю я обману,

Я не встану, я не встану.

Брат, мне стыдно – весь я пыль,

Пыль и тлен, и смрад, и гниль.

– Брат, мы Бога не обманем,

Все проснемся, все мы встанем,

Все пойдем на Страшный суд.

Вот престол уже несут.

Херувимы, серафимы.

Вот наш царь дориносимый. [2]

О, вставай же, – рад не рад,

Все равно ты встанешь, брат.

27 мая 1901

МОЛИТВА О КРЫЛЬЯХ

Ниц простертые, унылые,

Безнадежные, бескрылые,

В покаянии, в слезах, –

Мы лежим во прахе прах,

Мы не смеем, не желаем,

И не верим, и не знаем,

И не любим ничего.

Боже, дай нам избавленья,
дай свободы и стремленья,
дай веселья Твоего.
О, спаси нас от бессилья,
дай нам крылья, дай нам крылья,
Крылья духа Твоего!

<1902>

ВЕСЕЛЫЕ ДУМЫ

Без веры давно, без надежд, без любви,
О странно веселые думы мои!

Во мраке и сырости старых садов –
Унылая яркость последних цветов.

1900

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Глядим, глядим все в ту же сторону,
За мшистый дол, за топкий лес,
Вослед прокаркавшему ворону,
На край темнеющих небес.

Давно ли ты, громада косная
В освобождающей войне,
Как Божья туча громоносная,
Вставала в буре и в огне?

О, Русь! И вот опять закована,
и безглагольна, и пуста,
Какой ты чарой зачарована,
каким проклятьем проклята?

А все ж тоска неодолимая
К тебе влечет: прими, прости.
Не ты ль одна у нас, родимая,
Нам больше некуда идти.

Так, во грехе тобой зачатые,
должны с тобою погибать

Мы, дети, матерью проклятые
И проклинаящие мать.

28/15 сентября 1909

Веймар

СТАРИННЫЕ ОКТАВЫ Octaves du passe

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

I

Хотел бы я начать без предисловья,
Но критики на поле брани ждут,
Как вороны, добычи для злословья,
Слетаются на каждый новый труд
И каркают. Пошли им Бог здоровья.
Я их люблю, хотя в их толк и суд
Не верю: все им только брани повод...
Пусть вьется над Пегасом жадный овод.

II

Обол – Харону:[3] сразу дань плачу
Врагам моим. В отваге безрассудной
Писать роман октавами хочу.
От стройности, от музыки их чудной
Я без ума; поэму заключаю
В стесненные границы меры трудной.
Попробуем, – хоть вольный наш язык
К тройным цепям октавы не привык.

III

Чем цель трудней – тем больше нам отрады:
Коль женщина сама желает пасть,
Победе слишком легкой мы не рады.
Зато над сердцем непокорным власть,
Сопротивленья, холод и преграды
Рождают в нас мучительную страсть:
Так не для всех доступна, величава,
Подобно гордой женщине, – октава.

IV

Уж я давно мечтал о ней: резец

Ваятеля пленяет мрамор твердый.
Поборемся же с рифмой, наконец,
Чтоб победить язык простой и гордый.
Твою печаль баюкают, певец,
Тройных созвучий полные аккорды,
И мысль они, как волны, вдаль несут,
Одна другой, звуча, передают.

V

Но чтобы труд был легок и приятен,
Я должен знать, что есть в толпе людей
Душа, которой близок и понятен
Я с Музой отвергнутой моей.
Да будет же союз наш благодатен,
Читатель мой: для двух иль трех друзей
Бесхитростный дневник пишу, не повесть.
Зову на суд я жизнь мою и совесть.

VI

И не боюсь оружие дать врагу:
Не все ли мы у смерти, – у преддверья
Верховного Суда? – я не солгу,
В словах моих не будет лицемерья:
Что видел я, что знаю, как могу,
Без гордости, стыда иль недоверья,
Тому, кто хочет слышать, расскажу, –
Живым – живое сердце обнажу.

VII

Тревоги страстной, бурной и весенней
Я не люблю: душа моя полна
И ясностью, и тишиной осенней...
И, вечная, святая тишина:
Час от часу светлей и вдохновенней
Мне прошлой темной жизни глубина:
Там, в сумерках, горит воспоминанье,
Как тихое, вечернее сиянье.

VIII

ский д. Из Собрания стихов (1904), Собрания стихов (1910) и Полного собрания сочинений (1912) fil

От шума дня, от клеветы людской,

От глупых ссор полемики журнальной

Я уношусь к младенчеству душой –

Туда, туда, к заре первоначальной.

Уж кроткая Богиня надо мной

Поникла вновь с улыбкою печальной,

И я, как в небо, в очи ей смотрю,

О чистых днях, о детстве говорю.

IX

От Невского с его толпою чинной

Я ухожу к Неве, прозрачным льдом

Окованной: люблю гранит пустынный

И Летний сад в безмолвии ночном.

Мне памятен печальный и старинный,

Там, рядом с мостом, двухэтажный дом:

Во дни Петра вельможею построен,

Он – неуклюж, и мрачен, и спокоен.

X

Свидетель грустный юных лет моих,

Вдали от жизни, суеты и грома

Столичного, по-прежнему он тих.

Там сердцу мелочь каждая знакома:

Узор обоев в комнатах больших,

Подъезд стеклянный, двор и окна дома.

Не радостный, но милый мне уют,

Где бледные видения встают.

XI

Забывшие молитвы, сказки няни

С улыбкою твержу я наизусть,

Родные лица вижу, как в тумане...

Там, в детстве счастья было мало, – пусть!

Как сумрак лунный, даль воспоминаний

В поэзию, в пленительную грусть

Все обращает – радость и мученье:

В душе моей – великое прощенье.

XII

Чиновником усердным был отец,
В делах, в бумагах канцелярских меру
Земных трудов свершил и наконец,
Чрез все ступени, трудную карьеру
Пройдя, упорной воли образец,
Был опытен, знал жизнь, людей и веру,
Ничем не сокрушимую, питал
В практический суровый идеал.

XIII

Любил семью, – для нас он жил на свете;
Был сердцем добр, но деловит и строг.
Когда порой к нему являлись дети,
Он с ними быть как с равными не мог.
Я помню дым сигары в кабинете,
Прикосновенье желтых бритых щек,
Холодный поцелуй, – вся нежность наша –
В словах «bonjour» иль «bonne nuit,[4] папаша».

XIV

И скукою томительной царил
В семье казенный дух, порядок вечный.
Он все копил, он все для нас копил,
Но наших игр и болтовни беспечной,
И хохота, и шума не любил,
Подозревая в нежности сердечной
лишь баловства избыток иль причуд,
Смотря на жизнь, как на печальный труд.

XV

Не тратилось на нас копейки лишней.
Коль дети мимо кабинета шли,
Как можно незаметней и неслышной
Старались проскользнуть; от всех вдали,
Хранимые лишь волею Всевышней,
Мы в куче десять человек росли,
Покинутые немке и природе,
Как овощи в забытом огороде.

Володя, Саша, Надя... без конца, –
И в этом мертвом доме мы друг друга
Любили мало; чтоб звонком отца
Не потревожить, так же как прислуга,
Мы приходили с черного крыльца.
А между тем, не ведая досуга,
Здоровья не щадя, отец служил
И все копил, он все для нас копил.

XVII

Под бременем запасов гнулись полки
В березовых шкапах – меха, фарфор,
Белье, игрушки, лакомства для елки.
Зайдешь, бывало, в пыльный коридор,
Во внутренность шкапов глядишь сквозь щелки,
И то, чего не видишь, манит взор,
И чувствуешь в восторге молчаливом,
То миндалем пахнет, то черносливом.

XVIII

Я с ключницей всегда ходить был рад
В таинственный подвал, где кладовая.
Здесь тоже длинные шкапы стоят;
На мрачных сводах – плесень вековая,
Мешков с картофелем и банок ряд...
Трещит тихонько свечка, догорая,
И мышь из-под огромного куля
На нас глядит, усами шевеля.

XIX

И только раз в году на именинах
Вся роскошь вдруг являлась на столе.
Сидели дамы в пышных кринолинах
И старички – ряд лиц, как в полумгле
На старомодных, выцветших картинах...
И в мараскинном трепетном желе
Свеча, приятным пламенем краснея,
Мерцала – тонких поваров затея.

XX

Но важный вид гостей пугал меня..
Холодных блюд – остатков именной
Трапезы нам хватало на три дня.
Все приходило вновь в порядок чинный:
Сестра сидела, скучный вид храня,
С учительницей музыки в гостиной, –
Навстречу ранним пасмурным лучам
Был слышен звук однообразных гамм.

XXI

Унылый знак привычек экономных, –
Торжественная мебель – вся в чехлах.
Но чудилась мне тайна в нишах темных,
В двух гипсовых амурах, в зеркалах,
В чуланах низких, в комнатах огромных, –
Все навевало непонятный страх;
И скучную казенную квартиру
Уподоблял я сказочному миру.

XXII

Мне жития угодников святых
Рассказывала няня, как с бесами
Они боролись в пустынях глухих.
Почтенная старушка в бедном хламе
Меж душегреек в сундуках своих
Хранила четки, ладонку с мощами
И крестика Афонского янтарь.
Я узнавал, как люди жили встарь;

XXIII

Как некое заклятие трикраты
Монах над черным камнем произнес
И в воздухе рассыпался проклятый,
Подобно стае воронов, утес;
Я слушал няню, трепетом объятый
И любопытством, полный чудных грез,
От ужаса я «Отче наш» в кроватке

XXIV

Познал я негу безотчетных грез,
Познал я грусть, – чуть вышел из пеленок.
Рождало все мучительный вопрос
В душе моей; запуганный ребенок,
Всегда один, в холодном доме рос
я без любви, угрюмый, как волчонок,
Боясь лица и голоса людей,
дичился братьев, бегал от гостей

XXV

И ждал чудес в тревоге непрестанной:
Порой не мог заснуть и весь дрожал,
Все кто-то длинный, длинный и туманный,
Чернее мрака в комнате стоял...
Мне ужас веял в душу несказанный,
И громко звал я няню и кричал.
И старшие, вокруг моей постели,
То на меня сердились, то жалели.

XXVI

И лакомств мне давала мать, отец
Шутил; его насмешливые речи
я слушал молча, бледный, как мертвец.
И приносили в спальню лампы, свечи:
«Вон там, в углу... смотрите!..» – Наконец
Он исчезал; но жду я новой встречи
С Неведомым и знаю, что опять
Его пред смертью должен увидеть.

XXVII

С тех пор доньне в бурях и в покое,
Бегу ли я в толпу или под сень
дубрав пустынных, – чую роковое
Всегда, везде, – и в самый светлый день.
То древнее, безумное, ночное
Присутствует в душе моей, как тень,
Как ужаса непобедимый трепет,

Как вещей Парки неотвязный лепет.

XXVIII

Но, на прогулку с нянею спеша,
В знакомой лавке у Цепного моста
Я покупал себе на два гроша
Коврижки белой, твердой, как береста,
И, утреннюю свежестью дыша,
Опять на мир смотрел легко и просто;
И для меня был счастья венец
Малиновый прозрачный леденец.

XXIX

В суровом доме, мрачном, как могила,
Во мне лишь ты, родимая, спасла
Живую душу, и святая сила
Твоей любви от холода и зла,
От гибели ребенка защитила;
Ты ангелом-хранителем была,
Многострадальной нежностью твоею
Мне все дано, что в жизни я имею.

XXX

Отец сердился, вредным баловством
Считал любовь; бывало, ты украдкой
Меня спешила осенить крестом,
Склонясь в лампадном свете над кроваткой,
И засыпал я безмятежным сном
При шепоте твоей молитвы сладкой,
Но чувствовал сквозь поцелуй любви
Я жалобы безмолвные твои.

XXXI

Однажды денег взяв Бог весть откуда,
Она тайком осмелилась купить
Игрушку мне, чудесного верблюда;
Отец увидел, стал ее бранить.
Внутри была бисквитов сладких груда:
И жадности не мог я победить, –

ский д. из Собрания стихов (1904), Собрания стихов (1910) и Полного собрания сочинений (1912) fil

За мать страдая, молча, – как убитый, –

я с горькими слезами ел бисквиты.

XXXII

Когда на службе был отец с утра,
Мать в кабинет за стол меня пускала.

Я помню дел казенных номера,
Сургуч, портрет старинный генерала,
Из хризолита ручку для пера,
Из камня цвета млечного опала
Коробочку для марок, нож, бювар,
Карандаши и ящик для сигар:

XXXIII

Предметы жадных, робких наслаждений!..

Но как-то раз я рукавом свалил

Чернильницу с головкою оленьей:

Ни жив ни мертв, смотрю, как потопил
(что мне казалось верхом преступлений)

Зеленое сукно поток чернил.

Вдруг – голоса, шаги отца в передней;

Вот, думаю, пришел мой час последний.

XXXIV

Я убежал, чтоб грозного лица

Не увидеть; и начались упреки,

Неумолимый гневный крик отца,

На трату денег вечные намеки,

И оправданья мамы без конца.

Я понимал, что грубы и жестоки

Его слова, и слышал я мольбы,

Усилия беспомощной борьбы..

XXXV

В них – долгих лет покорная усталость –

Хотя бы мог я розог ожидать, –

Лишь простоял в углу за эту шалость:

Спасла меня заступничеством мать.

Я чувствовал мучительную жалость,

Семейных драм не в силах угадать, –

За маму, тихий и покорный с виду,
Я затаил в душе моей обиду.

XXXVI

И с нею вместе я жалел себя:
Под одеялом спрятавшись в кровати,
Молился я, родная, за тебя,
Твой поцелуй в бреду и лихорадке,
Твое дыханье чувствовал, любя:
Так жгучие те слезы были сладки,
Что, все прощая, думал об отце
Я с радостной улыбкой на лице.

XXXVII

Он не чины, не ордена, не ленты
Наградю трудов своих считал:
В невидимо растущие проценты,
В незыблемый и вечный капитал,
В святыню денежных бумаг и ренты,
Как в добродетель, веру он питал,
Хотя и не был скуп, но слишком долго
Для денег портил жизнь из чувства долга.

XXXVIII

Чиновник с детства до седых волос,
Житейский ум, суровый и негибкий,
Не думая о счастье, молча нес
Он бремя скучной жизни без улыбки,
Без малодушья, ропота и слез,
Не ведая ни страсти, ни ошибки.
И добродетельная жизнь была –
Как в серых мутных окнах – дождь и мгла.

XXXIX

Кругом в семье царила безмятежность:
Детей обилье – Божья благодать, –
Приличная супружеская нежность.
За нас отец готов был жизнь отдать...
Но, вечных мук предвидя неизбежность,

ский д. Из Собрания стихов (1904), Собрания стихов (1910) и Полного собрания сочинений (1912) fil

Уже давно им покорилась мать:

В хозяйстве, в кухне, в детской мелочами

Ее он мучил целыми годами.

XL

Без горечи не проходило дня.

Но с мужеством отчаянья, ревниво,

Последний в жизни уголок храня,

То хитростью, то лаской боязливой,

Она с отцом боролась за меня.

Он уступал с враждою молчаливой,

Но дружба наша крепла, и вдвоем

Мы жили в тихом уголке своем.

XLI

С ним долгий путь она прошла недаром:

Я помню мамы вечную мигрень,

В лице уже больном, хотя не старом,

Унылую, страдальческую тень...

Я целовал ей руки с детским жаром, –

Духи я помню, – белую сирень...

И пальцы были тонким цветом кожи

На руки девственных Мадонн похожи...

XLII

О, только бы опять увидеть вас

И после долгих, долгих дней разлуки

Поцеловать еще единый раз,

Давно в могиле сложенные руки!

Когда придет и мой последний час, –

Ужели там, где нет ни зла, ни муки, –

Ужель напрасно я, горя, жду, –

Что к вам опять устами припаду?

XLIII

Отец по службе ездил за границу,

На попеченье старой немки дом

С детьми покинув; и старушка в Ниццу

Писала аккуратно обо всем.

Порой от мамы нежную страницу

С отцовским кратким деловым письмом
И с ящиком конфет мы получали,
И забывал я о моей печали.

XLIV

Бывало, с горстью лакомых конфет,
С растрепанным арабских сказок томом
Садился я туда, где ярче свет
Знакомой лампы на столе знакомом,
И большего, казалось, счастья нет,
Чем шоколад с благоуханным ромом.
Был сумерек уютный тихий час;
В стекле шумел голубоватый газ.

XLV

Я до сих пор люблю, Шехеразада,
Твоих султанов, евнухов и жен,
Скитаньями волшебными Синдбада
И лампой Алладиновой пленен.
Порой – увы! – среди чудес Багдада
Я, лакомством и книгой увлечен,
Мать забывал, как забывают дети, –
Как будто не было ее на свете,

XLVI

И только в горе вспоминал опять.
Из Ревеля почтенная старушка
Умела так хозяйством управлять,
Чтоб лишняя не тратилась полушка:
Случится ль детям что-нибудь сломать,
В буфете ль чая пропадет осьмушка, –
Она весь дом бранила без конца,
Предвидя строгий выговор отца.

XLVII

Я помню туфли, темные капоты,
Седые букли, круглые очки,
Чепец, морщины, полные заботы,
И ночью трепет старческой руки,

ский д. Из Собрания стихов (1904), Собрания стихов (1910) и Полного собрания сочинений (1912) fil
Когда она записывала счета

И все твердила: «Рубль за башмаки...
Картофель десять, масло три копейки...»
И цифру к цифре ставила в линейки.

XLVIII

Старушки тень я видел на стене
Огромную, поднять не смея взгляда:
И магией порой казались мне
Все эти банки, шпильки и помада,
Щипцы на свечке в трепетном огне, –
От них знакомый едкий запах чада:
Она седую жиденькую прядь
Привыкла на ночь в букли завивать.

XLIX

До старости была она кокеткой:
И, сморщившись давно и пожелтев, –
Хотя у нас бывали гости редко, –
С лукавством трогательным старых дев
Шиньон свой древний, с новой черной сеткой,
На голову дрожащую надев,
Еще пришиллит красненькую ленту,
И как бедняжка рада комплименту!

L

Душа моя печальна и светла,
И жалко мне моей старушки дряхлой.
Священна жизнь, хотя бы то была
Невидимая жизнь былинки чахлой.
Мы любим, славя громкие дела,
Чтоб от людей великих кровью пахло, –
Но подвиг есть и в серых скучных днях,
В невидимых презренных мелочах.

LI

Старушки взгляд всегда был жив и зорок:
К нам девушкой молоденькой вошла
И поседела, сгорбилась, лет сорок
С детьми возилась, жизнь им отдала.

Ей каждый грош чужой был свят и дорог...

Амалии Христьяновне – хвала:

Она свершила подвиг без награды,
как мало в жизни было ей отрады!

LII

Как много скуки, горестных минут,
людских обид, и холода, и злости!

И вот она забыта, и гниют

в неведомой могиле на погосте,

Найдя последний отдых и приют,

Измученные старческие кости...

Как по земле – теней людских тьмы тем, –

И ты пришла, – Бог весть куда, зачем...

LIII

Увы, что значит эта жизнь? Над нею,

как над загадкой темною, стою,

мучительный, чем над судьбой твоею,

Герой бессмертный, – душу предаю

вопросам горьким, отвечать не смею...

Неведомых героев я пою.

Простых людей, о, Муза, помоги мне

восславить миру в сладкозвучном гимне.

LIV

да будут же стихи мои полны

гармонией спокойной и унылой.

ничтожество могильной тишины

мгновенный шум великих дел покрыло:

последний будет первым, – все равны.

как то поют, что в древнем Риме было, –

в торжественных октавах я пою

Амалию Христьяновну мою.

LV

Старушка Эмма у нее гостила

в очках и тоже в буклях, как сестра.

я помню всех, кого взяла могила,

ский д. Из Собрания стихов (1904), Собрания стихов (1910) и Полного собрания сочинений (1912) файла

Как будто видел лица их вчера.

Амалия Христьяновна любила,
С ней наслаждаясь кофеем с утра
И ревельскими кильками в жестянках, –
Посплетничать о кухне и служанках.

LVI

Был муж ее предобрый старичок
В ермолке, с трубкой; кофту, вместо шубы,
Он надевал и длинный сюртучок,
С улыбкой детской морщил рот беззубый.
Пусть мелочи ненужных этих строк
Осудит век наш деловой и грубый, –
Но я люблю на прозе давних лет
Поэзии вечерний полусвет...

LVII

На Островах мы лето проводили:
Вокруг дворца я помню древний сад,
Куда гулять мы с нянею ходили, –
Оранжереи, клумбы и фасад
Дух флигелей в казенном важном стиле,
Дорических колонн высокий ряд,
Террасу, двор и палисадник тощий,
И жидкие елагинские рощи.

LVIII

Там детскую почувствовал любовь
Я к нашей бедной северной природе.
Я с прошлогодней ласточкою вновь
Здоровался и бегал на свободе,
И с радостным волнением морковь
И огурцы сажал на огороде,
Ходил с тяжелой лейкою на пруд:
Блаженством новым мне казался труд.

LIX

В двух грядках все работы земледелья
Я находил, про целый мир забыв...
О, где же ты, безумного веселья

Давно уже неведомый порыв,
И суета, и хохот новоселья.
«Milch trinken, Kinder!», [5] – форточку открыв,
За шалость детям погрозив сначала,
Амалия Христьяновна кричала.

LX

И ласточек, летевших через двор,
Был вешний крик пронзителен и молод...
Я помню первый чай на даче, сор
Раскупоренных ящиков и холод
Сквозного ветра, длинный коридор
И после игр счастливый, детский голод,
И теплый хлеб с холодным молоком
В зеленых чашках с тонким ободком –

LXI

Позолоченным: их любили дети, –
Особенная прелесть в них была.
В сосновом, пахнущем смолой, буфете
Стоял сервиз для дачного стола.
С тех пор забыл я многое на свете –
Любовь, обиды, важные дела,
Но, кажется, до смерти помнить буду
Ту милую зеленую посуду.

LXII

И связан с ней был чудный летний сон,
Всегда один и тот же, мимолетней,
Чем облачные тени, озарен
Таинственным лучом, – и беззаботней
Я ничего не знаю: дальний звон,
Как будто тихий благовест субботний...
Большая комната, – где солнца нет,
Но внутренний прозрачно-мягкий свет...

LXIII

Гляжу на свет, не удивляясь чуду,
И не могу насытить жадный взор...

ский д. Из Собрания стихов (1904), Собрания стихов (1910) и Полного собрания сочинений (1912) fil

На длинных полках вижу я посуду, –

Пронизанный сиянием фарфор,

И золотой, и разноцветный, всюду –

На чашках белых тоненьких – узор..

Я – как в раю, – такая в сердце сладость

И чистота, и неземная радость.

LXIV

Той радостью душа еще полна,

Когда проснусь, бывало: я беспечен

И тих весь день под обаяньем сна.

Хотя для сердца памятен и вечен,

Как молодость, как первая весна, –

О, милый сон, ты был недолговечен

И в темные порочные года

Уже не повторялся никогда.

LXV

Я полюбил Эмара, Жюля Верна,

И Робинзон в те дни был мой кумир.

Я темными колодцами – безмерна

Их глубина – сходил в подземный мир,

И быстрота была неимоверна,

Когда помчался в бомбе чрез эфир

Я на луну; мечтой любимой стали

Мне корабли подводные из стали.

LXVI

Я находил в елагинских полях

Пустынные и дикие Пампасы;

Блуждал – в приюте воробьев – в кустах

Черемухи, как Немо, Гаттерасы

Иль Робинзоны в девственных лесах.

Я ждал порой меж тощих пальм террасы

Среди безумных и блаженных игр,

Что промелькнет гиппопотам иль тигр.

LXVII

Я не забуду в темном переплете

Разорванных библиотечных книг.

Фантазия в младенческом полете

Не ведала покоя ни на миг:

Я жил в волненье вечном и заботе, –

Мне в каждой яме чудился тайник

И ход подземный в глубине сарая.

Как я мечтал, дрожа и замирая,

LXVIII

Как жаждал я открытья новых стран!

Готов принять был дачников семейных

За краснокожих, пруд – за океан,

И часто, полный грез благоговейных,

Заглядывал в таинственный чулан

С осколками горшков оранжерейных,

И, на чердак зайдя иль сеновал,

Америку, казалось, открывал.

LXIX

Я с братьями ходить любил по крыше,

Чтоб сапогами не греметь, – в чулках.

Я в ужасе просил их: «Тише, тише, –

Амалия Христьяновна!..» В ушах

Был ветра свист, и мне хотелось выше.

У спутников на лицах видел страх, –

Но сам душою, страху недоступной,

Я наслаждался волею преступной.

LXX

За погребом был гладкий, как стекло,

И сонный пруд; на нем плескались утки;

Плакучей ивы старое дупло,

Где свесились корнями незабудки,

Потопленное, мохом обросло;

Играют в тине желтые малютки –

Семья утят, и чертит легкий круг

По влаге быстрый водяной паук.

LXXI

Я с книгой так садился меж ветвями,

Чтоб за спиной конюшни были, дом

И клумбы, мне противные, с цветами,

И, видя только чащу ив кругом

И дремлющую воду под ногами,

Воображал себя в лесу глухом:

Так страстно мне хотелось, чтобы диким

Был Божий мир, пустынным и великим.

LXXII

И, каждой смелой веткой дорожа,

Я возмущался, что по глупой моде

Акации стригут или, служа

Казенному обычаю в природе, –

Метут в лесу тропинки сторожа.

Стремясь туда, где нет людей, к свободе, –

Прибив доску меж двух ветвей к сосне,

Я гнездышко устроил в вышине.

LXXIII

И каждый день взлезал к нему, как белка.

За длинною просекою вдали

Виднелася Елагинская Стрелка,

На бледном тихом взморье корабли;

Нева желтела там, где было мелко...

Как по дорожкам дачники ползли,

Я наблюдал с презреньем, горд и весел,

И голый сук казался мягче кресел.

LXXIV

Идет лакей придворный по пятам

Седой и чинной фрейлины-старушки...

Здесь модные духи приезжих дам –

И запах первых листьев на опушке,

И разговор французский – пополам

С таинственным пророчеством кукушки,

И смешанное с дымом папирос

Вечернее дыханье бледных роз...

LXXV

В оранжереи, к плотничьей артели

Я уходил: там острая пила
Визжала, стружки белые летели,
И с дерева янтарная смола,
Как будто кровь из раны в нежном теле,
Сияющими каплями текла;

Мне нравился их ярославский говор,
Когда шутил с работниками повар,

LXXVI

Спеша на ледник с блюдом через двор;
И брал от них рукою неискусной
Я долото, рубанок иль топор,
Из котелка любил я запах вкусный,
И щи, и ложек липовых узор;

При звуке песни их живой и грустной
Кого-то вдруг мне становилось жаль:
Я сердцем чуял русскую печаль...

LXXVII

Мы под дворцом Елагинским в подвале
Однажды дверь открытую нашли:
Мышей летучих тени ужасали,
Когда мы в темный коридор вошли;
Казалось нам, что лабиринт едва ли
Ведет не к сердцу матери-земли.
Затрепетав, упал от спички серной
На плесень влажных сводов луч неверный.

LXXVIII

Не долетает шум дневной сюда;
Столетним мохом кирпичи покрыты,
Сочится с низких потолков вода;
Сквозь щель, сияньем голубым облиты,
Роняя на пол слезы иногда,
Неровные белеют сталактиты
В могильном сне... Как солнцу я был рад,
Из глубины подземной выйдя в сад.

LXXIX

ский д. Из собрания стихов (1904), Собрания стихов (1910) и полного собрания сочинений (1912) файл

Вдыхая запах влажный и тяжелый

Медовых трав, через гнилой забор
Перескочив, отважный и веселый,
В кустах малины крадусь я, как вор;
Над парником с жужжаньем вьются пчелы,
И как рубин, висит, чаруя взор,
Под свежими пахучими листьями
Смородина прозрачными кистями.

LXXX

С младенчества людей пленяет грех:
Я с жадностью незрелый ем крыжовник,
Затем что плод запретный слаще всех
Плодов земных; царапает шиповник
Лицо мое, и, возбуждая смех
Напрасно пугало твое, садовник,
Как символ добродетели, стоит,
Храня торжественный и глупый вид.

LXXXI

Елагин пуст, – вдали умолк коляски
Последний гул, и белой ночи свет
Там, над заливом, полон тихой ласки,
Как неземной таинственный привет, –
Все мягкие болезненные краски..
Далекой тони черной силуэт,
Кой-где меж дач овес и тощий клевер..
Тебя я помню, бедный милый Север!

LXXXII

Когда сквозь дым полуденных лучей
С утесов Капри вижу даль морскую,
О сумраке березовых аллей
Я с нежностью задумчивой тоскую:
Люблю унынье северных полей
И бледную природу городскую,
И сосен тень, и с милой кашкой луг,
Люблю тебя, Елагин, старый друг.

LXXXIII

Но скоро дни забот пришли на смену
Веселым дням, и в мрачный старый дом
Вернулся вновь я к духоте и плену.
И в комнате перед моим окном
Неумолимую глухую стену
Доныне помню: вид ее знаком
До самых мелких трещинок и пятен,
Казенный желтый цвет был неприятен.

LXXXIV

Разносчицы вдали я слышать мог
Певучий голос: «Ягода морошка».
Небес едва был виден уголок
Над крышами, где пробиралась кошка
И трубочист; со сливками горшок
Кухарка ставит в ящик за окошко;
И как воркует пара голубей,
Я слышу в тихой комнате моей.

LXXXV

Когда же Летний сад увидел снова,
Я оценил свободу летних дней.
С презрением, не говоря ни слова,
Со злобою смотрел я на детей,
Играющих у дедушки-Крылова,
И, всем чужой, один в толпе людей,
Старался няню, гордый и пугливый,
Я увести к аллее молчаливой.

LXXXVI

В сквозной тени трепещущих берез
На мраморную нимфу или фавна
Смотрел я, полный нелюдимых грез;
И статуя Тиберия[6] забавна, –
Меня смешил его отбитый нос,
Замазкою приклеенный недавно.
Сентябрь дубы и клены позлащал,
Крик ворона ненастье предвещал...

Стучится дождь однообразно в стекла.

К экзаменам готовлюсь я давно,

Зевая, год рожденья Фемистокла[7]

Твержу уныло и смотрю в окно:

В грязи шагая, охтинка промокла...

И сердце скукой мертвою полно.

Решить не в силах трудную задачу,

Над грифельной доской едва не плачу.

LXXXVIII

Но вот пришел великий грозный час:

Вступая в храм классической науки,

Чтобы держать экзамен в первый класс, –

Я полон дикой робости и муки.

Смотрю в тетрадь, не подымая глаз,

Лицо в чернилах у меня и руки,

И под диктовку в слове «осенять»

Не знаю, что поставить – е иль ъ.

LXXXIX

Я помню место на второй скамейке,

Под картою Австралии, для книг

Мой пыльный ящик, карандаш, линейки,

Казенной формы узкий воротник,

Мучительный для детской тонкой шейки.

Спряжение глаголов я постиг

С большим трудом; и вот я – в новом мире,

Где божество – директор в вицмундире.

ХС

От слез дрожал неверный голосок,

Когда твердил я: *lupus... conspicavit...*

In rupe pascebatur...[8] и не мог

Припомнить дальше; единицу ставит

Мне золотушный немец-педагог.

Томительная скука сердце давит:

Потратили мы чуть не целый год,

Чтобы понять отличие *quid* и *quod*;^[9]

ХСІ

А говорить по-русски не умели.

И, в сокровенный смысл частицы ut [10]

Стараясь вникнуть, с каждым днем глупели.

Гимнастика ума – полезный труд,
Направленный к одной великой цели:

Нам выправку казенную дадут
Для русского, чиновничьего строя,
Бумаг, служебных дел и геморроя.

ХСІІ

Так укрощали в молодых сердцах
Вольнолюбивых мыслей дух зловредный;
Теперь уже о девственных лесах,
О странствиях далеких мальчик бедный
Не помышлял: потухла жизнь в очах.
В мундир затянут, худенький и бледный,
По петербургской слякоти пешком
Я возвращался в наш холодный дом.

ХСІІІ

Манить ребенка воля перестала:
Царил над нами дух военных рот.
Как в тонких стенках твоего кристалла,
Гомункул, умный маленький урод,
Душа без жизни в детях жить устала...
Болезненный и худосочный род –
К молчанию, к терпенью предназначен,
Чуть не с пеленок деловит и мрачен.

ХСІV

В тот час, как темной грифельной доски
И словарей коснулся луч последний
Туманного заката, и тоски
Напев был полон в комнате соседней
Старухи няни, штопавшей чулки, –
Далекий шум послышался в передней...
Мне было скучно, и на груды книг

Я головой усталую поник...

ХСV

Вдруг голос мамы, шорох платья милый,
Ее шагов знакомый легкий звук...
Я побледнел и алгебры постылой
Учебник на пол выронил из рук.
Не от любви с неудержимой силой
Забилось сердце, – это был испуг:
Я в классицизме, в мертвом книжном хламе
Так одичал, что позабыл о маме

ХСVІ

За год разлуки: как угрюмый зверь,
Со злобою смотрел на злые лица
Учителей; казалась теперь
Мне падежей неправильных таблица
Важней любви... От матери за дверь
Я спрятался; как пойманная птица,
Дрожал в углу, безмолвие храня, –
И вдруг она увидела меня...

ХСVІІ

Но я уж сам к ней бросился в объятья,
Про все забыв, – сестер не слышал крик
И не видал, как прибежали братья,
Закрыв глаза, к ее груди приник,
Вдыхая тонкий, нежный запах платья...
То был блаженства незабвенный миг.
Она меня ласкала: «Мальчик бедный,
Какой ты худенький, какой ты бледный!»

ХСVІІІ

Под взорами возлюбленных очей
Я воскресал от холода и скуки,
От этих долгих безнадежных дней;
Пугливый, все еще боясь разлуки,
Не веря счастью, прижимался к ней:
Она глаза мне целовала, руки
И волосы, и согревала вновь

Меня, как солнце, вечная любовь.

ХСІХ

И, улыбаясь, плакали мы оба,
И все, в чем сердце бедное могло
Окаменеть – ожесточенье, злоба
И мертвенная скука – все прошло:
Так не боится зимнего сугроба,
Почуяв жизни первое тепло,
Когда ручей поет и блещет звонкий, –
На трепетном стебле подснежник тонкий.

С

Не мог расторгнуть наших вольных уз
Дух строгости, порядок жизни чинный,
И тайно креп наш дружеский союз:
Ловил я звук шагов ее в гостиной;
Бывало, рода женского на us
Она со мной твердила список длинный,
И находил поэзию при ней
Я в правилах кубических корней.

СІ

Под сладостной защитой и покровом,
Когда ласкался к маме при отце,
Я видел ревность на его суровом
Завистливо нахмуренном лице.
Я был пленен улыбкой, каждым словом,
И бриллиантом на ее кольце,
И шелестом одежды, и духами,
И девственными, юными руками.

СІІ

На завтрак белый рябчика кусок,
Обсахаренный вкусный померанец,
Любимую конфету, пирожок
Она тихонько прятала мне в ранец;
Когда я в классе вынимал платок
С ее духами, вспыхивал румянец

Любви стыдливой на моих щеках,

Сияла гордость детская в очах.

СIII

Я чувствовал ее очарованье

Среди учебных книг и словарей,

как робкое весны благоуханье

В холодной мгле осенних мрачных дней, –

И по ночам любимых уст дыханье

Над детской кроваткою моей:

Так ласк ее недремлющая сила

Меня теплом и светом окружила.

СIV

Коль в сердце, полном горечи и зла,

Доныне есть поэзия живая, –

Твоя любовь во мне ее зажгла.

Ты слышишь ли меня, о, тень родная?

Пусть не нужна тебе моя хвала,

Но счастлив я, о прошлом вспоминая, –

И вот неведомую песнь мою

Тебе, как эти слезы, отдаю.

CV

Когда стремлюсь я к неземной отчизне,

Слабея, грешный, на земном пути,

Я внемлю тихой нежной укоризне...

Не отвергай меня, молю, прости, –

Как ты дитя свое хранила в жизни,

Так пред Судом Верховным защити,

Отчаяньем и долгою разлукой

измученное сердце убаюкай.

CVI

Слетаешь ты, незримая, ко мне,

Как сладкого покоя дуновенье,

Как дальний звук в полночной тишине...

Я чувствую твое благословенье

И к моему лицу, как бы во сне,

Твоих бесплотных рук прикосновенье...

О, милая, над бездною храня,
любовью вечною спаси меня!

CVII

У волка есть нора, у птиц жилища, –
Лишь у тебя, служитель красоты, –
Нет на земле родного пепелища:
Один среди холодной пустоты,
я собираю с тихого кладбища
вспоминаний бледные цветы,
И в душу веет запахом могилы
Сквозь аромат их девственный и милый...

CVIII

Давно привык я будущих скорбей
Угадывать нелживые приметы;
Жизнь с каждым днем становится мрачней...
Ни славою, ни дружбой не согреты,
Лишь памятью невозвратимых дней
Питаемся мы, жалкие поэты,
как собственную лапою медведь,
Чтоб с голода зимой не умереть.

CIX

Пою, свирель на тихий лад настроя:
До подвигов нам с Музой дела нет.
Я говорю, увидев тень героя:
«Не заслоняй мне солнца вечный свет!»
От мировых скорбей ищущ покоя
И ухожу я в прозу давних лет.
Как Диоген – в циническую бочку...
Но здесь для рифмы я поставлю точку.

CX

кто б ни был ты, о мой случайный друг, –
Студент ли в келье сумрачной и дымной,
Чиновник ли с бумагами вокруг,
Курсистка, барин ли гостеприимный,
Питомец ли классических наук, –

Не требую любви твоей взаимной, –

Но мне близка теперь душа твоя,
Но ты мне друг, ты человек, как я.

СXI

Ты так же горьким опытом наказан...
Минутной благосклонности твоей
Я самой чистой радостью обязан:
Ты дальше всех, ты ближе всех друзей,
И я с тобой свободной дружбой связан.
Теперь, прощаясь с Музою моею,
Забудь вражду, прости, читатель, скуку:
Мы – люди, мы несчастны – дай мне руку!

СXII

Тебе на суд я отдаю себя:
Один ли ты иль в многолюдном свете,
Хлопочешь ли для славы жизнь губя
Или для денег, – вспомни о завете
Того, кто, детство милое любя,
Учил нас: «Будьте просты вы, как дети».[11]
Как ни был бы ты зол и мудр, и стар, –
Подумай, жизнь – прекрасный Божий дар;

СXIII

Смягчись на миг в борьбе ожесточенной,
На прошлое с улыбкою взгляни:
Не правда ли, там, солнцем озаренный,
Есть уголок родимый, есть они,
Мой брат, как я, познаьем отягченный,
Неведенья безоблачные дни!
От суеты и злобы на минуту
Вернись душою к тихому приюту, –

СXIV

И пусть морщины скуки и труда
Разглядятся!.. Как сон недолговечный,
Те дни прошли... Ты лучше был тогда,
Доверчивый, свободный и беспечный.
Ужели больше нет от них следа,

От этих дум, от простоты сердечной?..

О, только бы ты пожалел о них, –

И дела нет мне до врагов моих.

СХV

Пусть хмурит брови Аристарх[12] журнальный:

В печальном сердце – тихо и светло;

Въезжаю в гавань, – кончен путь мой дальний...

О, друг, утешься, подыми чело

С улыбкою спокойной и печальной,

Прощая Богу смерть и людям зло:

В сияньи солнца есть еще отрада...

Ты улыбнулся, – вот моя награда!

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

I

Уже никто не вденет ногу в стремя, –

Ты одряхлел, классический пегас,

Тебе подсекло крылья злое Время:

Влачишься ты по улицам у нас,

Где давит сердце вечной скуки бремя,

Где в мутной снежной тьме чуть брезжит газ,

Где нет ни воли, ни любви, ни солнца, –

Хромую клячей бедного чухонца...

II

От рифмы я отвык, и мне начать

Вторую песнь трудней, чем сдвинуть гору.

Но если час пришел – нельзя молчать:

Слетающих видений внемля хору,

Их голосам я должен отвечать;

И как цветник в полуденную пору –

Жужжаньем пчел, как берег – шумом волн,

Созвучьями недаром слух мой полн.

III

Их музыка подобна поцелую:

И рифма с рифмой – нежная чета –

Сливаются в гармонию живую;

ский д. из Собрания стихов (1904), Собрания стихов (1910) и Полного собрания сочинений (1912) fil
Так ищут уст влюбленные уста.

я близость бога сладостного чую:
Когда душа уныла и пуста, –
Поэзия – от всех скорбей лекарство.
Уйдем же к ней мы в призрачное царство!

IV

Там нет ни зла людского, ни добра,
Там даже смерти не страшна угроза.
Луна порой в немые вечера
На стеклах бледные цветы мороза
Вдруг оживит: что значит их игра
Бесцельная?.. Холодной жизни проза,
Гори, гори и ты в стихе моем,
Как этот лед, таинственным огнем!

V

О, юность бедная моя, как мало
Ты вольных игр и счастья мне дала:
Классической премудрости начало,
Словарь латинский, холод, скука, мгла...
Как часто я бранил тебя, бывало;
Но все прошло, – теперь не помню зла:
Не до конца сумели в пыльной груди
Нелепых книг тебя испортить люди.

VI

За сладостный, невинный жар в крови,
За первые неопытные грезы,
За детское предчувствие любви
Среди унынья, холода и прозы,
За маленькие радости твои,
За одинокие, немые слезы,
О, молодость, за красоту твою
Тебя люблю, тебе я гимн пою!

VII

Врата несуществующего рая,
Ненаступивших радостей залог,
Благословлю обман твой, умирая.

Я никогда проклясть тебя не мог,
О горькая, о жалкая, святая,
Тебя непобедимой создал Бог:
В тебе есть холод, девственная нега
И чистота нетронутого снега...

VIII

Однажды мы весною в первый раз
Открыли окна слишком рано, в марте;
Пахнул к нам свежий воздух в душный класс;
На стенах с пятнами чернил, на парте,
Изрезанной ножами в скучный час
Закона Божьего, на пестрой карте
Америки луч солнечный блестел,
В листах грамматик ветер шелестел.

IX

Я думаю, Арמידин[13] сад, и ты бы
Нам более счастливых не дал грез,
Чем грязный двор, где льда седого глыбы
Кололи дворники; не запах роз,
А москательных лавок, мяса, рыбы –
Зефир весенний с рынка нам принес...
А воробьи на крышах стаяй шумной
Чирикали от радости безумной.

X

Смотрели жадно мы на красный дом,
Влюбившись сразу в барышню-соседку.
К окну подходит – видно за стеклом, –
Чтобы крупы насыпать птице в клетку.
Тетради, книги наши под столом:
Как мотылек, попавший детям в сетку,
Трепещет сердце, и волнует кровь
Мне глупая и милая любовь.

XI

Пусть наглухо опять окно закрыли:
Проснувшись вдруг от мертвенного сна,

ский д. Из Собрании стихов (1904), Собрании стихов (1910) и Полного собрания сочинений (1912) fil

Сквозь мутное стекло под слоем пыли,

Глядим, – душа надеждою полна,

Мгновенно всю грамматику забыли.

Ты победила, вечная весна!

Так молодость в тюрьме находит радость

И горечь жизни превращает в сладость...

XII

Мне эта улица мила с тех пор:

В галантерейной маленькой лавчонке

Доныне все еще пленяют взор

И те же чувства будят, как в ребенке, –

Знакомых ситцев пестренький узор,

Духи, помада, зеркальца, гребенки

И волны подвенечной кисеи –

Соблазны юной прачки и швеи.

XIII

Душа волненьем сладким вновь объята,

Когда по тем местам я прохожу;

Как тихий свет унылого заката,

Я в улице безмолвной нахожу

Следы тех дней, которым нет возврата...

И сам не знаю, чем в них дорожу;

Но жизнь кругом – холодная пустыня,

Лишь в прошлом все – отрада и святыня.

XIV

Люблю я запах елки в Рождество,

Когда она таинственно и жарко

Горит, и все мы ждем Бог весть чего...

Пускай беду пророчит злая Парка, –

Я верю в елку, верю в торжество,

По-прежнему от Бога жду подарка.

Как елка, ты – в огнях, ночная твердь.

Ужель подарок Бога – только смерть?

XV

Все мимолетно – радости и мука,

Но вечное проклятие богов –

Не смерть, не старость, не болезнь, а скука,
Немая скука долгих вечеров,
Скучать с приличным видом есть наука
Важнейшая для умных и глупцов:
Подруги наши – страсть, любовь иль злоба,
А скука – вечная жена до гроба.

XVI

О, темная владычица людей,
Как рано я узнал твои морщины,
Недвижный взор твоих слепых очей,
Лицо мертвее серой паутины
И тихий лепет злых твоих речей!..
Но оживлять унылые картины
Не буду вновь: уж я сказал о том,
Чем был наш мрачный и холодный дом.

XVII

Все важно в нем и сонно, и прилично.
Отец любил детей, но издали:
Он каждую субботу педантично,
Просматривая баллы, за нули
Нотации читать умел отлично.
Без дружбы, вечно ссорясь, мы росли
Все вместе, кучей, как в тени древесной
Семья грибов: нам было слишком тесно..

XVIII

С Сергеем мы ходили в тот же класс.
Напоминая бойкую лисичку,
Зрачки зеленоватых быстрых глаз
Лукаво щурить он имел привычку;
Лицо в веснушках помню как сейчас,
Пронырливый и острый носик; кличку
Всему давал он метко; был актер
И дипломат, насмешлив и хитер.

XIX

А неуклюжий Саша, молчаливый,

ский д. Из Собрания стихов (1904), Собрания стихов (1910) и Полного собрания сочинений (1912) файл

С лицом румяным и тупым, в очках, –
Как медвежонок, дикий и ленивый;
В монахи собирался он, в делах
Земных не видя толку; горделивый
Тот замысел погиб и стал монах –
Немало в жизни всяких превращений –
Чиновником особых поручений.

XX

Благоразумен, важен, как старик,
Был Коля гимназистом идеальным;
Премудрость всех учебников постиг.
С лицом худым, бескровным и печальным,
Питая страсть, как первый ученик,
К пятеркам с плюсом и листам похвальным,
Смиряться он умел, терпеть и ждать
И всякому начальству угождать.

XXI

Но иногда, романтик добродушный,
Про все забыв, каких-то ведьм и фей,
И рыцарей, и замок их воздушный
Чертил пером в тиши воскресных дней,
Воображенью странному послушный,
Он на полях латинских словарей,
Влюбленный в этот мир необычайный:
Он верил в сны, пророчества и тайны...

XXII

У нас в крови – неугасимый жар
Мистического бреда; это – сходство
Семейное, опасный людям дар,
Наследственный недуг иль превосходство,
Под пеплом жизни тлеющий пожар, –
Не ведаю – талант или уродство..
Вольнолюбивый, непокорный дух,
Доныне в нас огонь твой не потух.

XXIII

Обычный в жизни путь ему неведом,

Противен будничным и тесным круг.

Был Костя, старший брат мой, правоведом;

Но поступил он, возмутившись вдруг,

и полный нигилизма модным бредом,

На факультет естественных наук:

Не следуя отцовскому примеру,

Он погубил блестящую карьеру.

XXIV

Самонадеян и умен, и горд,

Наш мертвый дом, чиновничий и серый,

Он презирал: настойчив, волей тверд,

в добре и зле без удержу, без меры,

От микроскопов ждал он и реторт

Неведомых чудес и новой веры.

Любила мать его; с отцом всегда

Была у Кости тайная вражда.

XXV

Мне помнится под колбою стеклянной

Спиртовой лампочки дрожащий блеск

и жидкости опаловой, туманной

в прозрачных стенках легкий звон и плеск,

волшебной искры голубой и странной

на гальванической машине треск...

в густой тени большого кабинета

желтели кости пыльного скелета.

XXVI

Мне объяснял фанатик молодой

открытья, чудеса лабораторий,

неясные мелькали предо мной

отрывки дерзновеннейших теорий;

показывал он в капле водяной

друг друга пожиравших инфузорий,

и слушал я, потупив робкий взор,

про дарвинов естественный подбор.

XXVII

ский д. Из Собрания стихов (1904), Собрания стихов (1910) и Полного собрания сочинений (1912) файл

Я чувствовал, что он не прав во многом:

Краснея, запинаясь я, дрожал,
Ребяческим и неумелым слогом
На доводы науки возражал,
Когда, смеясь над чертом и над Богом,
Он все, во что я верил, разрушал...
Хотя и страшно было мне и больно, –
Запретный плод прельщал меня невольно.

XXVIII

И любопытство жадное влекло
К опасности на крайние ступени,
И в первый раз на детское чело
Уже недетских дум ложились тени:
Пленяет душу человека зло.
Как некогда Адаму в райской сени –
«Вкуси и будешь богом», – мудрый Змей,
Коварный дал совет душе моей.

XXIX

В столовой раз за чаем мы сидели;
Здесь маятник медлительных часов,
Влачившихся без отдыха, без цели,
Вкус тех же булок, звуки тех же слов
И тусклые обои надоели
Знакомым видом желтеньких цветов.
На ужин экономно разогреты
Унылые вчерашние котлеты.

XXX

Из всех углов ползет ночная тень,
Цедится струйка жиденького чая
Сквозь ситечко; смотреть и думать – лень,
Царит безмолвье, мысли удручая...
У матери – всегдашняя мигрень.
И лампа бледная горит, скучая,
И силы нет дремоты превозмочь, –
Скорей бы сон бесчувственный и ночь.

XXXI

Вдруг настезь дверь, – и дрогнул воздух сонный,
И старший брат с улыбкой на устах
Вошел и, нашей скукой изумленный,
Тотчас притих; румянец на щеках
Еще горит, морозом оживленный,
Пылинки снега тают в волосах:
Он с улицы принес душистый холод,
Глаза блестят, – он радостен и молод.

XXXII

Отец спросил: «Откуда?» – «Из суда, –
Присяжные Засулич оправдали!»
«Как? ту, что в Трепова стреляла?» – «Да». –
«Не может быть!..» – «Такой восторг был в зале,
какого не бывало никогда:
Мы полную победу одержали!»
Отец сердито молвил: «Что за вздор!»
И вспыхнул вдруг ожесточенный спор.

XXXIII

И шепотом беспомощных молений
Напрасно мама хочет их унять:
То спор был вечный, распря поколений, –
Не уступают оба ни на пядь,
Не слушают друг друга: «Убеждений
Вы права не имеете стеснять!» –
Кричит студент; они вскочили оба, –
В очах старинная слепая злоба.

XXXIV

«Наука доказала...» – «Чушь и гниль –
Твоя наука... Вечные основы
Религии...» – «Основы ваши – гниль!
Пред истиною все они готовы
Рассыпаться, как мертвый прах и пыль...
Нам Спенсер дал для жизни принцип новый!» –
«А Бог?..» – «Нет Бога!» – «Спенсер твой –
дурак!»

Дошли до Бога, – это скверный знак.

XXXV

Теперь конец уж ясен бедной маме, –
Ей скажет муж: «Во всем – твоя вина.
Детей избаловала!» В этой драме
Немою жертвой быть обречена,
Печальными и кроткими глазами,
Беспомощного ужаса полна,
Глядит на них и вся мольбою дышит:
Никто ее не видит и не слышит.

XXXVI

«Прочь, негодяй, из дома моего!..» –
Кричит отец, бледнея. «Ради Бога,
Не будь к нему жесток, прости его,
Ну, хоть меня ты пожалей немного!» –
«Нет, не просите, мама, – ничего –
Не надо! – Костя ей кричит с порога, –
Я рад уйти: мне воля дорога,
Не будет больше здесь моя нога!

XXXVII

Вам оскорблять себя я не позволю...»
И он дверями хлопнул. Мать жалел,
Но думал я, что Костя выбрал долю
Завидную: как был он горд и смел!
И за героем я рвался на волю,
Я сам дрожал от злобы и горел:
душа была смятением объята;
Я разделить хотел бы участь брата.

XXXVIII

И долго я в ту ночь не мог уснуть:
Все чудились мне тихие рыдания;
Предчувствием беды сжималась грудь.
Я встал; лишь уличных огней мерцанье
По комнате мне озаряло путь,
Когда среди глубокого молчанья,
Как вор, прокравшись в темный длинный зал,

Я разговор из спальни услышал:

XXXIX

«Он может повредить моей карьере...
Каков щенок, мальчишка, нигилист!» –
«Ну, денег дай ему по крайней мере:
Он вспыльчив, сердцем же он добр и чист...»
Я ухо приложил к закрытой двери
И в темноте внимал, дрожа, как лист,
И страшно было мне, стучали зубы:
Слова отца безжалостны и грубы.

XL

С тех пор прошли года, но помню то,
Что слышал там: осталось в сердце жало.
«Он – сын твой, не губи его, – за что?..» –
«Ведь я сказал: дам сорок в месяц». – «Мало». –
«А сколько ж?» – «Сто». – «Ну, пятьдесят...» –
«Нет, сто...»

Мольбою долгой, долгой и усталой,
Упрямой силою любви своей
Она боролась с ним из-за грошей.

XLI

Я слов уже не слышал – только звуки
Все тех же просьб: так падает вода
И точит твердый камень; лишь от скуки
Он делал ей уступку иногда.
Она ему в слезах целует руки,
Терпеньем побеждает, как всегда,
Смирением глубоким и притворством,
И жертв незримых медленным упорством.

XLII

Мы грешны все: я не сужу отца.
Но ужаса я полн и отвращенья
К семейной пытке, к битве без конца,
Без отдыха, где нет врагу прощенья,
Где только бледность кроткого лица

Иль вздох невольный выдает мученья:

Внутри – убийство, а извне хранит
Законный брак благопристойный вид.

XLIII

Когда же утром мы при лампе встали
И за окном, сквозь мокрый снег и тень,
С предчувствием заботы и печали
Рождался вновь ненужный серый день,
За кофею от няни мы узнали,
Что мать больна, что у нее мигрень:
И вещая тоска мне сердце сжала.
Три дня она в постели пролежала.

XLIV

И может быть, то первый приступ был
Болезни тяжелой, длившейся годами,
Неисцелимой; все же гневный пыл
Отца смягчен был долгими мольбами.
Хотя он ссоры с Костей не забыл,
Но поневоле, уступая маме,
Не одобряя баловства детей, –
Не сорок дал ему, а сто рублей.

XLV

И жизнь пошла, чередой однообразной:
Зазубрины и пятнышки чернил
Все те же на моей скамейке грязной,
Родной язык коверкая, долбил
Я тот же вздор латыни безобразной,
И года три под мышками теснил
Все в том же месте мне мундирчик узкий,
На завтрак тот же сыр и хлеб французский.

XLVI

Лимониус, директор, глух и стар,
Софокла нам читал и Одиссею,
Нас усыплять имея редкий дар;
Но до сих пор пред ним благоговю,
Лишь вспомню, с крепким запахом сигар,

Я вицмундир перед скамьей моею
И тонкий пух седых его волос
И в голубых очках багровый нос.

XLVII

Урок по спрятанной в рукав бумажке,
Бывало, всякий бойко отвечал.
При нем играли в карты мы и в шашки:
Нам добродушный немец все прощал;
Но вдруг за белый воротник рубашки
Неформенной, за галстук он кричал
С нежданным пылом ярости безмерной
И тем внушал нам трепет суеверный.

XLVIII

Честнейший немец Кесслер – латинист,
Заросший волосами, бородатый,
На вид угрюм, но сердцем добр и чист, –
Как древние Катоны, [14] Цинциннаты [15]
И Сцеволы; [16] большой идеалист,
Из года в год, отчаяньем объятый,
Всем существом грамматику любя,
Он нас терзал и не жалел себя.

XLIX

Ответов ждал со страхом и томленьем,
Краснея сам, смущаясь и дрожа:
Ему казалась личным оскорбленьем
Неправильная форма падежа,
Ему глагол с неверным удареньем
Из наших уст был как удар ножа.
Земному чуждый, пламенный фанатик,
Писал он ряд учнейших грамматик.

L

Читал Платона Бюрик – не педант,
Напротив, весельчак, но злейший в мире,
Весь белый, бритый, выхолненный франт,
В обрызганном духами вицмундире;

ский д. Из Собрания стихов (1904), Собрания стихов (1910) и Полного собрания сочинений (1912) файла

К жестоким шуткам он имел талант:

Того, кто знал урок, оставив в мире,
Он робкого лентяя выбирал
И долго с ним, как с мышью кот, играл.

LI

Несчастный мальчик, с мнимой отвагой,
К доске уже бледнея подходил;
Тот одобрял его, шутил с беднягой
И понемногу в дебри заводил,
Не торопясь; но покрывались влагой
Глаза его, он медленно цедил
Слова сквозь зубы и в дремоте сладкой
Ласкал тихонько подбородок гладкий.

LII

Как выступал на лбу ученика
Холодный пот, с улыбкой сладострастной
Следил, и мухой в лапах паука
Тот бился все еще в борьбе напрасной:
Томила жертву смертная тоска;
«Скорей бы нуль!» – мечтал уже несчастный,
В схоластике блуждая без руля,
А смерти нет, и нет ему нуля!

LIII

Но в старших классах алгебры учитель
Был хуже немцев – русский буквоед,
Попов, родной казенщины блюститель;
Храня военной выправки завет,
Незлобивый старательный мучитель,
Он страшен был душе моей, как бред...
В лице – подобье бледной мертвой маски –
Мерцали хитрые свиные глазки.

LIV

В нем было все противно: глупый нос
И на челе торжественном и плоском
Начальственная важность, цвет волос
Прилизанных и редких с желтым лоском;

Он – неуклюж, горбат, и хром, и кос, –
Казался жалким странным недоноском.
Всегда покорен и застенчив, раз
Я дерзким бунтом удивил наш класс.

LV

Мне от Попова слушать надоело –
«Ровней держитесь, выпрямите грудь!»
Я на скамью – неслыханное дело –
Сел, опершись локтем, чтоб отдохнуть,
И пуговиц, ему ответив смело,
На сюртуке дерзнул не застегнуть;
Он закричал, но я решил упрямо:
Умру, не застегну, не сяду прямо!

LVI

Лимониус с инспектором пришли,
И сторожа меня на новоселье
В сырой, холодный карцер повели
И заперли на ключ в позорной келье, –
Жилище крыс, но там, во тьме, в пыли,
Я чувствовал нежданное веселье:
Подвижником себя воображал
И в лихорадке сладостной дрожал.

LVII

Как жаждал сердцем правды я и мщенья!
Не все ль равно, за что восстать – за мир
И все его обиды и мученья
Или за право расстегнуть мундир?
Тебя познал я, демон возмущенья:
Утратив сердца прежний детский мир,
Я чувствовал, – хотя был бунт напрасен, –
Что ты, Злой дух, мой темный Бог – прекрасен!

LVIII

Тебе остался верен я с тех пор
И, соблазненный ангелом суровым,
Не покорюсь, всю жизнь веду я спор

Душа безумно рвется на простор.

За то, что я к мирам стремился новым,
За то, что рабства я терпеть не мог, –
Меня казнил Лимониус и Бог.

LIX

В те дни уж я томился у преддверья
Сомнений горьких, и когда наш поп,
Находчивый и полный лицемерья,
Доказывал, наморщив умный лоб,
Чтоб истребить в нас плевелы неверья,
Научною теорией потоп
Иль логикой – существованье Бога, –
Рождалась в сердце вещая тревога.

LX

И бес меня смущал: нас каждый день
Водили в церковь на Страстной неделе;
Напев дьячка внушал мне сон и лень:
Мы по казенным правилам говели;
И неуютною казалась тень,
Не дружески огни лампад блестели;
Рука творила знаменье креста,
Но мертвая душа была пуста.

LXI

Кошунственная мысль была упряма;
И чистая святая белизна
Просвирки нежной, запах фимиама,
Вкус теплого церковного вина,
И голубь, дух Святой, на своде храма,
За царскими вратами глубина
Не веют в душу прежней сладкой тайной:
Рождает все лишь страх необычайный.

LXII

Но по привычке давней перед сном
Я начинал молитву, умиленный:
С подарком няни – сахарным яйцом

На алой ленте, с вербой запыленной,
Был образок так родствен и знаком..
Когда же вновь опомнюсь, пробужденный, –
Как будто вдруг в душе потухнет свет,
И ужасает мысль, что Бога нет.

LXIII

Скребется мышь, страшат ночные звуки,
На улице умолк последний шум.
А я сижу во тьме, ломая руки,
И отогнать не в силах грешных дум:
С мятежным духом, дьяволом науки,
Изнемогая борется мой ум,
И ангела-хранителя напрасно
На помощь я зову с надеждой страстной.

LXIV

Что избавление должно прийти,
Я чувствую, не ведая, откуда.
Целуя образ, я молил: «Прости!
Не верю я и знаю – это худо,
Но ведь Тебе легко меня спасти:
О, дай мне знак, о, только сделай чудо,
Теперь, сейчас, до наступленья дня, –
Хоть маленькое чудо для меня!»

LXV

Миссионер для обращенья Кости,
Ученый поп, был приглашен отцом:
Он приходил к нам по субботам в гости;
В лиловой рясе с золотым крестом.
Пить чай умел, в беседах, чуждых злости,
Лоб вытирая шелковым платком,
С баранками и сливками так вкусно
И Дарвина опровергал искусно.

LXVI

И спорам их о Боге без конца
Я с жадностью внимал, дохнуть не смея:

ский д. Из Собрания стихов (1904), Собрания стихов (1910) и Полного собрания сочинений (1912) файла

Доказывал он Промысел Творца,

И, объясняя книги Моисея,

С приятной тихой важностью лица

Цитатами из книг ученых сея,

По поводу Адама говорил

Он о строеньи черепа горилл.

LXVII

Но дерзкого неверья злое семя

В душе моей росло: я помню, раз

Наш батюшка в гимназии, в то время

К принятию Тайн Святых готовя класс,

Моих сомнений увеличил бремя:

Смутил меня о грешнике рассказ,

Вкусившем недостойно от Причастья:

Я слушал, полон жадного участия.

LXVIII

Как Тайнами Христовыми сожжен,

язык его лукавый был раздвоен

И в трепетное жало превращен...

Я был, как этот грешник, недостоин;

В кощунственные мысли погружен,

Я ждал беды, угрюм и беспокоен,

И, веря, что меня накажет Бог,

Раскаяться хотел я и не мог.

LXIX

С непобедимым трепетом боязни

Об исповеди думал, и тоска

Мне грызла сердце, холод неприязни

Внушал один лишь вид духовника:

Я представлял весь ужас этой казни

И чувствовал, как вместо языка

Во рту моем шипело и дрожало

Змеиное раздвоенное жало.

LXX

Но вышло все так просто, без чудес,

Что я почти жалел о том, и с шумом

Весенних вод напев «Христос воскрес»

Теперь в молчанье слушал я угрюмом:

Веселый праздник для меня исчез, –

Уже ни Пасха белая с изюмом,

Ни с розаном, нежны и горячи,

Не радовали сердце куличи.

LXXI

Я с нянею пошел на балаганы:

Здесь ныла флейта, и пищал фагот,

И с бубнами гудели барабаны.

До тошноты мне гадок был народ:

Фабричные с гармониками, пьяный

Их смех, яйцом пасхальным полный рот,

Самодовольство праздничного вида, –

Все для меня – уродство и обида.

LXXII

А в тучках – нежен золотой апрель.

Царицын луг уж пылен был и жарок;

Скрипя колеса вертят карусель,

И к облакам ликующих кухарок

Возносит в небо пестрая качель:

В лазури цвет платков их желтых ярок...

И безобразье вечное людей

Рождает скорбь и злость в душе моей.

LXXIII

И благовест колоколов победный,

Как приговор таинственный, гудел...

Я в эти дни, к прискорбью мамы бедной,

Как будто в злой болезни, похудел:

По комнатам, как тень, слонялся, бледный

И нелюдимый, плохо спал и ел,

И спрашивала мать меня порою

В отчаянье: «Мой мальчик, что с тобою?..»

LXXIV

Но я молчал, стыдился дум моих,

Лишь изредка, не говоря ни слова,
К ней подходил, беспомощен и тих,
И маленьким, не думающим снова
Я делался от ласк ее простых,
Когда она, жалея, как больного,
И мудрое безмолвие храня,
С улыбкою баюкала меня.

LXXV

Спасителем моим Елагин милый
Был, как всегда: экзамены прошли,
И, как покойник, вставший из могилы,
Я свежестью дышал сырой земли,
От солнца щурился, больной и хилый,
Но радовали в море корабли,
Знакомый пруд, и ледник, и дорожка
Меж грядками душистого горошка.

LXXVI

Все трогало меня почти до слез –
С полупрозрачной зеленью опушка
И первый шелест молодых берез,
И вещая унылая кукушка,
И дряхлая подруга детских грез –
Родная ива, милая старушка,
И дачный вкус парного молока,
И теплые живые облака.

LXXVII

Катались мы на лодке с братом Сашей:
Покинув весла, зонтик дождевой
Мы ставили, как парус, в лодке нашей;
Казался купол неба над водой
Лазурной опрокинутою чашей,
И на пустынной отмели порой
С гниющим остовом ладьи рыбацъей
Картофель мы пекли в золе горячней.

LXXVIII

Закусывая парой огурцов

И слушая великое молчанье
Зеркальных вод и медленных коров
Протяжное унылое мычанье,
И в стеблях желтых водяных цветов
Ленивых струек слабое журчанье, –
Я все мои грамматики забыл,
Не думал, есть ли Бог, и счастлив был.

LXXIX

Скучать в домашней церкви за обедней
По праздникам в Елагинский дворец
Водили нас; я помню, в арке средней
Меж ангелами реял Бог Отец.
Но суетных мой ум был полон бредней,
Я думал: службе скоро ли конец?
Смотрел, как небо в перистых волокнах
Высоких туч блестит в открытых окнах.

LXXX

Крик ласточек сквозь пение псалмов,
Шумящие под свежим ветром клены,
Дыхание сиреневых кустов, –
Все манит прочь из церкви в сад зеленый,
И кажется мне страшным лик Христов
Сквозь зарево свечей во мгле иконы:
Любовью, чуждой Богу, мир любя,
Язычником я чувствовал себя.

LXXXI

И в этой церкви раз в толпе воскресной,
Среди девиц уродливых и дам,
Увидел профиль девушки прелестной,
Смотрел я жадно, волю дав очам:
Мне было все в ней тайною чудесной,
Подобной райским непонятым снам,
И я в благоговенье не заметил,
Цвет глаз ее был темен или светел.

LXXXII

Лишь смутно помню, что она была

Вся в белом кружеве; глубокой тенью

Ресниц и томной бледностью чела

Я изумлен и предан был смятенью:

Казалась мне, воздушна и бела,

Она принцессой Белою Сиренью,

Окутанною в сказочный туман.

Тайком невинный начался роман.

LXXXIII

И образ твой, елагинская фея,

Доныне сердцу памятен и мил;

Там, где к пруду спускается аллея,

За белым платьем иногда следил

И прятался я, подойти не смея;

Ни разу в жизни с ней не говорил,

Любви неопытную душу предал,

Хоть имени возлюбленной не ведал.

LXXXIV

Когда в затишье знойных вечеров

Гармоника кухарок собирала

В конюшню – царство важных кучеров,

И в облаках был нежный цвет коралла,

С толпою неуклюжих юнкеров

В крокет моя владычица играла

И бегала, смеялась громче всех:

Доныне в сердце – этот милый смех.

LXXXV

И, крадучись, как вор, к решетке сада

За дачей, где она жила, тайком

Я подходил, и было мне отрада

Смотреть на ветхий деревянный дом,

Хотя мешала пыльная ограда

Кустов колючих; к тем, кто с ней знаком,

Я завистью был жгучей пожираем,

И садик бедный мне казался раем.

LXXXVI

Но холод жизни ранний цвет убил,
И все, что было мне еще неясно,
Что я в душе лелеял и хранил,
Едва родившись, умерло безгласно, –
И никогда я больше не любил
Так пламенно, так нежно и напрасно,
Как в тех мечтах, погибших навсегда
Без имени, без звука, без следа...

LXXXVII

Мы в сердце вечную таим измену:
Уж привлекал внимание мое
Иной предмет: однажды прачку Лену
Я увидел, стиравшую белье:
Я помню мыла тающую пену,
Когда сквозь пар смотрел я на нее,
Румяную, с веснушками, с глазами
Почти без мысли, с голыми руками.

LXXXVIII

А в прачешной и в кухне был пожар
Сияния вечернего: блеснули
Ведро, кофейник, яркий самовар,
Зрачки кота, дремавшего на стуле,
И полымем объятые, как жар,
Кругом на полках медные кастрюли;
И Лена, вся здоровьем дыша,
Была в огне заката хороша.

LXXXIX

И весело мне было рядом с нею:
Под нежным солнцем в тонких завитках
Коротеньких волос я видел шею
И ямочки на розовых локтях.
Хотя любил я сказочную фею,
Но эта баба с утюгом в руках,
Богиня синьки, мыла и крахмала,
Мое воображение занимала.

Зачем ты дал нам две души, Господь?

Друг друга ненавидя и страдая,
Напрасно в людях спорят дух и плоть,
Любовь небесная, любовь земная:
Одна другой не может побороть.

С Владыкой Тьмы враждует Ангел рая:
Кому из них я первенство отдам,
Кто победит меня, – не знаю сам.

ХСІ

Не смейся же, читатель благосклонный,
Что мы с тобой нежданно перешли
От прачки Лены с барышней-Мадонной
К противоречьям неба и земли:
Один закон владеет непреклонный
Созвездьями, горящими вдали,
С их правильным восходом и закатом
И силой, движущей незримый атом.

ХСІІ

Так сразу я в двух женщин был влюблен:
Мне самому казалось это диким...
Уже тогда, с младенческих времен,
Лукавым духом, Янусом двуликим,
Неопытный мой ум был соблазнен,
И с этих пор я с ужасом великим
Всю жизнь внимал, как с Богом спорит бес,
Дух грешной плоти с ангелом небес.

ХСІІІ

Тот узел Гордиев чей меч разрубит?
О, если бы решить я только мог.
Кого душа моя сильнее любит,
кто сердцу ближе: демон или бог!
их двойственный соблазн меня погубит:
я все еще стою меж двух дорог,
и с прачкой Леной борется богиня –
С кощунством вечным – вечная святыня.

XCIV

Я осенью в тот год увидел Крым:
Казался край далекий сном волшебным.
Я не из тех, кому приятен дым
Отечества, и был всегда целебным
Мне путь далекий к небесам иным.
Отец мой ехал по делам служебным;
Его давно уже молила мать
Меня с собой на южный берег взять.

XCV

Из царства моха, кочек и рябины
Перелетел я в дремлющий аул
В уютной неге солнечной долины;
Мне яркий месяц в очи заглянул;
В тиши ночной таинственной пучины
Я полюбил многоголосый гул,
Смотрел, как в небе серебрится тополь
И при луне белеет Севастополь.

XCVI

Там, где шумят немолчные валы,
Где вознеслись над морем великаны –
Из черного базальта две скалы,
И стелются над пропастью туманы,
Где реют с хищным клекотом орлы,
Был некогда великий храм Дианы, –
Там ныне мрачный и глухой пустырь,
А рядом – крест и бедный монастырь.

XCVII

В обители Георгия Святого
Здесь иноки нашли себе приют,
Но по ночам на мысе диком снова
Колонны храма белого встают –
Языческие призраки былого,
И волны гимн торжественный поют...
Там я бродил, и сердце грустью ныло,

ский д. Из Собрания стихов (1904), Собрания стихов (1910) и Полного собрания сочинений (1912) файл

А колокол вдали звучал уныло.

ХСVIII

О, боги древности, я чуял вас,
Когда в безмолвной и печальной тризне
Сюда ваш рой слетал в предзвездный час:
Казалось мне, – в иной далекой жизни
Я с вами здесь бывал уже не раз
И ныне вновь пришел к моей отчизне;
С виденьями богов наедине
И сладостно, и страшно было мне...

ХСIX

Обвеян прелестью твоей, Эллада,
В какие был я думы погружен,
Чему душа была безумно рада,
Когда горел полдневный небосклон
И волн дышала вечная прохлада
На высоте меж греческих колонн
Той полукруглой маленькой веранды
Над рощами тенистой Ореанды.

С

Там я любил по целым дням мечтать:
В благоуханье мяты и шафрана
И в яркости твоей, морская гладь,
И в бледной дымке знойного тумана, –
Во всей природе южной – благодать
Великого языческого Пана.
О, древний бог, под сенью рощ твоих
Сложил я первый неумелый стих.

CI

Но долго я скрывал подруги тайной,
Стыдливой Музы, нежные грехи:
Хромой сонет о бледной розе чайной
Восторженной был полон чепухи.
Но, музыкою рифм необычайной
Я упивался: глупые стихи
Казались мне пределом совершенства,

И я над ними плакал от блаженства.

СII

я Пушкину бесстыдно подражал,
Но, ослеплен туманом романтизма,
В «Онегине» я только рифм искал:
Нужна была мне сказочная призма –
Луна и пурпур зорь, и груды скал;
Мятежный Пушкин, полный байронизма
И пышных грез, мне нравился тогда,
Каким он был в двадцатые года.

СIII

Я пел коварных дев, красы Эдема
И соловья над розой при луне,
И лучшую из тайных роз гарема,
Тебя, которой бредил я во сне
И наяву, о, милая Зарема.
Стихи журчали, и казалось мне,
Что мой напев был полон неги райской,
Как лепет твой, фонтан Бахчисарайский!

СIV

Я не люблю родных моих, друзья
Мне чужды, брак – тяжелая обуза.
В томительной пустыне бытия
Гонимая отверженная Муза –
Единственная спутница моя.
И более надежного союза
Нет на земле: с младенчества храня,
Она, как мать, лелеяла меня.

CV

Не ведали мы с нею шумной славы,
Но в дни унынья ты была со мной,
Богиня кроткая, в тени дубравы
Или у вод, объятых тишиной,
Где сонные благоухают травы,
Ждала меня с улыбкой неземной,

ский д. из Собрания стихов (1904), Собрания стихов (1910) и Полного собрания сочинений (1912) файла

Таинственной прелестью дышала

И ласкою невинной утешала.

CVI

И был в чертах прекрасного лица
Глубокий след божественной печали.

Лавровой тенью гордого венца

Твоей главы друзья не увенчали.

Ты слышала и брань и суд глупца,

Сообщников немногих мы встречали.

Но, совершая долг своим путем,

Всегда мы шли и до конца пойдём.

CVII

С тобой не страшен ночи мрак беззвездный:

Направь мои неверные стопы.

Над пропастью цветы тебе любезны,

Растущие не на путях толпы,

И ты ведешь меня по краю бездны

На узкие необщие тропы,

Откуда виден отблеск на вершинах

Зари, еще неведомой в долинах.

CVIII

Пусть годы память обо мне сотрут,

Слезой умильной юноши и девы

Не осветят мой незаметный труд,

Пусть не дано взошедшие посева

Очам моим увидеть и замрут

Без отклика негромкие напевы:

Я сердцем чист, я делал все, что мог, –

Тебя, о, Муза, оправдает Бог.

CIX

Мы не нашли в сердцах людей ответа,

Но только бы он до конца горел,

Огонь, которым жизнь моя согрета, –

Недаром я любил, страдал и пел.

Благословен святой удел поэта,

Благословен изгнанников удел,

Мой угол бедный, тихая лампада –
Моих ночей и тайных слез отрада.

СХ

Когда я с Музой начинал мой путь
И ждал победы, дерзостен и молод,
Как страшно было в лете потонуть,
Как мучил славы ненасытный голод!
Но в тридцать лет ровнее дышит грудь,
Сулит покой нам леты вечный холод:
Отрада есть в ее ночной волне, –
В молчании, в забвенье, в тишине...

СХI

А может быть и то: под слоем пыли
Меж тех, чьи книги только мышь грызет,
Кого давно на чердаке забыли,
Историк важный и меня найдет
И песнь мою о стародавней были
С улыбкою внимательной прочтет,
И гордую в изгнании суровом
Помянет Музу нашу добрым словом.

СХII

Теперь с тобой прощаясь, мы почтим,
Богиня, ту, что тихо спит во гробе,
Кто ангелом-хранителем твоим
Была во мраке, холоде и злобе.
Возлюбленную тень благословим:
Вы были мне заступницами обе,
И верую, что в час последний вновь
Меня спасет великая любовь.

СХIII

Ты в горестный и страшный час, родная,
Придешь ко мне не с горестным лицом,
Не слабая, не жалкая, больная,
Такой, как ты была перед концом,
Но с девственной улыбкой, молодая,

ский д. Из Собрания стихов (1904), Собрания стихов (1910) и Полного собрания сочинений (1912) fil

С торжественно сияющим венцом,
Меня в преддверье новой жизни встретишь
И радостно на мой призыв ответишь.

СXIV

Сотрешь с чела в предсмертной тишине
Холодный пот моей последней муки.
Чтоб слаще мне спалось в могильном сне,
Баюкая, на любящие руки
Возьмешь меня и тихо скажешь мне:
«Не бойся же, – нет смерти, нет разлуки.

Тебе я песню прежнюю спою, –
Усни, мой мальчик, баюшки-баю».

СXV

Великого обета не нарушу:
О, мама, скоро я к тебе приду!
Как погибающий пловец – на сушу,
Стремлюсь к тебе и радуюсь, и жду:
Душа обнимет родственную душу,
В твоих чертах любимых я найду, –
Как разрешишь ты все земные узы, –
Черты моей богини, вечной Музы.

Середина – конец 1890-х годов

Примечания

1

«Или! Или! ламма савахфани?» – «Боже мой! Боже мой! для чего Ты меня оставил?» (Евангелие от Матфея, XXVII, 46.) Христос произносит эти слова на арамейском языке.

2

Дориносимый – носимый на копьях. Образ заимствован из древнеримской истории: подобно тому, как дружина поднимала на копьях стоящего на щите царя, небесное воинство несет на копьях Господа Сил небесных.

3

Перевозчик теней умерших через Стикс – реку подземного царства (греч. миф.).

4

Здравствуйте, спокойной ночи (франц.).

ский д. Из Собрания стихов (1904), Собрания стихов (1910) и Полного собрания сочинений (1912) filo

5

Дети, пить молоко! (нем.)

6

Тиберий, Клавдий-Нерон (42 до н. э. – 37 н. э.) – римский император.

7

Фемистокл (ок. 525 – ок. 460 до н. э.) – афинский полководец.

8

Волк... увидел... пасущихся на горе... (лат.).

9

Зачем и почему (лат.).

10

Как, когда, чтобы, о если бы (лат.).

11

Слова Христа: «...если... не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Евангелие от Матфея, XVIII, 3).

12

Аристарх Самофракийский (1-я пол. II в. до н. э.) – греческий филолог; его имя стало нарицательным для обозначения доброжелательного критика и подлинного ученого.

13

Волшебница Армида – персонаж из поэмы Торкватто Тассо (1544–1595) «Освобожденный Иерусалим». В свои сады заманивала рыцарей-крестоносцев.

14

По-видимому, имеется в виду Катон Старший (234–149 до н. э.) – римский государственный деятель и писатель, поборник общественных интересов и чистоты нравов.

15

Цинциннат (V в. до н. э.) – римский патриций; по преданию, был олицетворением верности гражданскому долгу, доблести и скромности.

16

Сцевола, Гай Муций – по преданию, римский юноша-герой, пробравшийся в лагерь этрусков, чтобы убить этрусского царя. Будучи схвачен, сам опустил правую руку в огонь, чтобы показать презрение к боли и смерти.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://filosoff.org/> Приятного чтения!

ский Д. Из Собрания стихов (1904), Собрания стихов (1910) и Полного собрания сочинений (1912) fil
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!